

ственной подготовке к подписанию Союзного договора, 30 июля состоялась моя встреча с Ельциным и Назарбаевым. В неформальной беседе мы доверительно обсуждали предстоящие и возможные после подписания Союзного договора совместные политические шаги. В предварительном порядке условились о проведении выборов союзного президента, о возможных кадровых изменениях в союзном кабинете министров и его статусе.

Как выяснилось позже, эта встреча прослушивалась КГБ и послужила для некоторых высших должностных лиц толчком к принятию решений о своем участии в подготовке и проведении государственного переворота. Во всяком случае, известно, что Язов колебался: поддержать или нет Крючкова. Но запись с упоминанием фамилии Язова подтолкнула его.

Августовский путч

Н азначенное на 20 августа подписание нового Союзного договора могло и должно было стать новым историческим рубежом для всей страны. Уже сам акт подписания давал бы обществу и миру авторитетный сигнал о готовности руководителей большинства — девяти союзных республик и Союзного центра — совместными усилиями стабилизировать обстановку в стране. Создавались бы правовые основания для сохранения целостности союзной государственности. Для продолжения ее демократического обновления на путях развертывания федеративных отношений. Договор закреплял бы ре-

альный и рациональный баланс интересов республик из Центра, оставляя необходимый простор для новых демократических реформ. В телефонном разговоре со мной 14 августа Ельцин говорил о растущем давлении на него со стороны лидеров “ДемРоссии”. Мой ответ был кратким: тебя критикуют за “сохранение империи”, а меня — за ее разрушение! Значит, мы — на правильном пути.

Всего три дня спустя я лицом к лицу столкнулся с другими противниками нового Договора. Группа высших государственных и партийных должностных лиц, отключив Президента СССР от всех средств связи, изолировав меня, семью и сотрудников на даче в Форосе, потребовала в ультимативной форме ввести чрезвычайное положение в стране, либо передать президентские полномочия вице-президенту Янаеву, либо — подать в отставку. Без каких-либо колебаний я категорически отверг все эти требования. Заявил, что создание Государственного комитета по чрезвычайному положению в стране возможно только с ведома Съезда народных депутатов или Верховного Совета СССР. Я потребовал созыва Съезда или Верховного Совета: пусть они и решат. Иное — преступный авантюризм, за что придется отвечать. В завершение крепко обругал визитеров, что называется, “по-русски”. Откровенно говоря, полагал, что мой резкий отказ отрезвит заговорщиков и заставит их изменить свои намерения.

Не получив согласия ни на одно из требований и встретив решительный афронт с моей стороны, посланцы заговорщиков удалились, как мне показалось, в некоторой растерянности. Однако об их далеко идущих планах говорило то, что связь оставалась отключенной, а перекрытие подступов к даче

и ее изоляция были усилены. Это подтверждало факт заранее спланированного ареста президента и захвата власти.

Повод для переворота выдвигался липовый: Президент СССР не может выполнять свои обязанности из-за тяжелой болезни, что вскоре будет подтверждено медицинскими документами. Нетрудно представить, какими способами могли “подтвердить” это “компетентные органы”, самовольно присвоившие себе чрезвычайную власть. Как выяснилось, “доказательства” тяжелой болезни Президента СССР, его неспособности исполнять свои обязанности срочно и настойчиво требовались от врачей по личному указанию председателя КГБ. Они так и не были получены. К чести наших медиков — никто не поддавался давлению.

Значит, принятый указ являлся незаконным.

Дни и ночи путча с сотнями танков и бронемашин на площадях и улицах Москвы стали своего рода моментами истины для граждан страны, для новых демократических институтов, для всей перестройки.

Путч подрывал и дискредитировал перестройку как социально-политический процесс, цель и смысл которого — мирное, ненасильственное обновление, демократизация государства и общества, процесс преодоления отчуждения власти от народа. Поэтому путч означал колоссальный откат назад, в доперестроечное прошлое, где команды “сверху”, диктат и авторитет страха — неперемненные атрибуты отношений между властью и обществом.

Люди скоро поняли лживые аргументы их действий. Сколько-нибудь зримо массовой поддержки ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в других городах, ни в других республиках

гэкачеписты не получили. Более того, в Москве сотни тысяч граждан выступили против ГКЧП. Достоинные гражданские и политические позиции заняли Моссовет, Верховный Совет России. Публично выступил против ГКЧП Ельцин, которому гэкачеписты предлагали сотрудничать ввиду провала их требований к Президенту СССР.

Мой отказ от сотрудничества с заговорщиками полностью лишил ГКЧП всякой легитимности, смешал первоначальные расчеты заговорщиков, вызвал среди них замешательство, разногласие и растерянность. Столкнувшись же с массовым протестом в Москве, с отказом ряда военачальников участвовать в штурме Белого дома, ГКЧП зашатался и уже к 21 августа обанкротился. Перестройка, демократия, казалось бы, полностью победили. Но путч подорвал авторитет союзных органов власти и управления. Во многом подрывались позиции Президента Союза — уже потому, что главными заговорщиками, посягнувшими на Конституцию, закон, на демократические порядки, стали высшие государственные и партийные должностные лица из окружения Президента СССР. Среди них Анатолий Лукьянов — Председатель Верховного Совета СССР. Сейчас он изо всех сил старается отмежеваться от ГКЧП. Но все, что сейчас известно о его поведении в те дни, говорит о том, что без его предательской позиции Крючков и другие не решились бы на содеянное.

Был сорван подготовленный с таким трудом поворот к взаимопониманию и взаимодействию обновлявшегося Союзного центра и союзных республик, превращавшихся в суверенные государства, к сотрудничеству на основе становления реальных федеративных отношений.

Уже в дни путча, бросившего на страну тень нового силового колпака, начался стремительный процесс провозглашения независимости от Союза Эстонии, Латвии, Украины, Белоруссии, Молдавии, Азербайджана, Киргизии, Узбекистана. Соотношение сил в стране изменилось. Собственно, это была уже другая страна. Я сказал об этом по возвращении из Фороса, да и сам я стал во многом уже другим...

Меня глубоко потрясло предательство, казалось бы, хорошо известных мне людей, которые за моей спиной подготовили и устроили путч. И дело не только в том, что они не оправдали моего доверия, обманули и предали меня. Дело в том, что я сам обманулся, самоуверенно переоценив их человеческие, моральные и политические качества. Можно сказать, в самый пик перестройки, когда она с таким трудом выходила на новые перспективы, мои “выдвиженцы” цинично предали демократические цели и идеалы, ради которых было начато историческое по своему смыслу обновление страны, государства, общества. Им предпочли силовое давление, политику запугивания, обмана, не говоря уже о преступных посягательствах на законность. Возобладала удивительная политическая близорукость.

Тяжелым ударом стало поведение части секретарей ЦК, не выступивших против заговорщиков или даже поддержавших их. Исключение составили, пожалуй, только несколько товарищей. В этих условиях я принял трудное решение сложить с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС и предложил ЦК КПСС заявить о самороспуске. При этом я решительно против обвинения миллионов коммунистов в грехах и пороках фундаменталистской партократии, против попыток

очернения всей истории и деятельности КПСС. Беда в том, что безраздельное сращивание с властью наложило на кадры партии слишком глубокий отпечаток бюрократизма, негативных качеств всей изжившей себя командно-административной системы. События в дни, предшествующие августовскому путчу, и во время него утвердили меня в этих оценках.

Не могу не отметить бескомпромиссную роль Бориса Ельцина в борьбе против ГКЧП. Победа сторонников чрезвычайщины отбросила бы страну далеко назад с труднопредсказуемыми негативными последствиями. Но вот — обратная сторона медали: проявив решимость в противодействии гэкачепистам как сторонникам попятного движения страны, Ельцин не смог вовремя остановиться и вновь, опять со всей ожесточенностью повел борьбу уже против союзной государственности как якобы главной опасности для суверенности России.

В дни путча и сразу после его провала, когда я уже вернулся из Фороса, Ельцин вне всяких конституционных рамок подписывал указы о переподчинении союзных органов республиканским. В союзные учреждения были направлены представители РСФСР с правом контролировать, отменять и изменять их распоряжения. Своим указом (о чем я писал) я одобрил действия Президента России в дни путча, но остановил дальнейшие действия Ельцина в этом направлении. Они только усиливали сепаратистские настроения в республиках, которые стали спешно “приватизировать” союзные предприятия и учреждения на своей территории.

И тем не менее Ельцин продолжал свою узурпаторскую деятельность, став на путь разрушения СССР.